

Источники и литература

1. Кодухов В. И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. – 303с.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. Для филол. Спец. Вузов. – 2 – е изд. Перер. И доп.. – М.: Высшая школа, 1987. – 272с.
3. Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учебник для вузов/ А.А.Реформатский; Под. Ред. В.А. Виноградова. – 5– е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536с.
4. Баранникова Л.И. Введение в языкознание (Учебное пособие для фил. фак. ун–тов). – Саратов: сарат.ун–та, 1973. – 384 с.
5. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М., 1979. – С. 279–365.
6. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований/ отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1973. – 318с.
7. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. – М., 1974. – С. 157–310.
8. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: Підручник для студентів філологічних спеціальностей вищих закладів освіти. – К.: Видавничий центр «Академія», 1999. – С. 233–237.
9. Ислямов Асан. Татар тильнинь грамматикасы. Къысым синтаксис.– Симферополь: Кърым АССР девлет нешрияты, 1940. – 120с.
10. Акъмолаев Э.С. Къырымтатар тильнинь амелияты. Ташкент: Укытувчи, 1989.– С.84–131.
11. Оказ Л.С. Сложное предложение. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка. – Симферополь: ТНУ, 2002. –115с.
12. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973.– С.336.
13. Оказ Л.С. Указ. Соч. – С.21.
14. Ислямов Асан. Указ. Соч. – С.80–81.
15. Мусаев К.М. К истории союзов в тюркских языках// Советская тюркология, 1980. – № 6.– С.8.
16. Гаджиева Н.З. Указ. Соч.– С. 366–370.
17. Меметов А. Мусаев К. Крымтатарский язык. Учебное пособие. – Симферополь: Крымское учебно–педагогическое государственное издательство, 2003. – 288с.
18. Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке// Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.– Т III. Синтаксис.– М.: Наука, 1961.– С.157.

Список сокращений:

(А.А.С.) – Айвазов А.С. Неден бу ала къалдыкъ. Пьеса// Йлдыз, 1995. – № 4. – С.44–82; (Б. Ю.) – Болат Ю. Алим: Роман. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – 424с.; (С.С.) – Сейф Сарайи Гюлистан би–т Тюркий// Къырымтатар эдебиятынынъ тарихи (Къыкъса бир назар)/ под ред. Р.Фазыла, С.Нагаева – Акъмесджит: 2001. – С.49; (Ф.) – Фольклор: Бал чокъракъ. Лятифе/ Тувгъан эдебият (6–джи сыныф ичюн), Велиулаева А.В., Муртазаева Г.Э., Алиева Л.А. – Акъмесджит: Къырым девлет окъув–педагогика нешрияты, 1998. – С. 14–18; (С.Э.) – Эмин С. Ираде деръясы: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1971.– 376с

Бекирова Л.И.**ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО
НАКЛОНЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА –ДЫ В СОВРЕМЕННОМ
КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Дослідження здійснено
За підтримки ДФФД МОН України*

Форма на *–ды*, «представленная во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках, одна из немногих, а в масштабе всей тюркской языковой семьи – почти единственная, имеющая ныне монофункциональный статус. Однако можно указать на целый ряд фактов, свидетельствующих о ее былой, а в известной мере и современной, полифункциональности» [21; с.379].

Тюркологи отмечают ее как самую древнюю форму прошедшего времени: «Это, бесспорно, самая древняя финитная глагольная форма» [12, с.9].

«Если все же допустить, что показатель времени на *–dy/–di* произошел из **–d+i* прономинальное, то этот процесс надо отнести к раннепротюркскому состоянию, позиция в слове способствовала тому, что в позднепротюркском данная форма воспринималась, как и в современных языках, как не имеющая специального личного окончания, аналогично форме на *–sa* и некоторым другим» [21; с.376].

В отношении к вопросу этимологии этой формы в тюркологии пока нет единодушного подхода. «Вопросы изначального семантического статуса формы на *–dy* с последующим преобразованием ее значения во временное, находили, в общем, столь же разнообразные решения, как и вопросы формальной структуры» [21, с.384].

Как отмечает И.В.Кормушин, прошедшее время на *-ты/-ды* обозначает отнесенность действия к прошлому в самом общем виде, что соответствует термину «претерит»; «с помощью этой формы могут быть выражены все разновидности действия до момента речи – мгновенное, многократное, длительное, предшествующее другому прошедшему и т.д. без подчеркивания в самой форме указанных моментов, ясных в контексте; эта форма нейтральна по отношению к любым лексическим и грамматическим средствам, привносящих дополнительные временные и видовые характеристики, она в ряду других прошедших выступает немаркированным членом, тогда как в оппозиции «претерит» – «презенс» смысловая маркированность именно за претеритом» [12, с.9].

Именно обозначение прошлого действия в общем виде придало этой форме широкую употребительность в крымскотатарском языке.

Форма на *-ды* – наиболее употребительная из всех существующих форм, образующих прошедшее время, в современном крымскотатарском языке. Это время представляет собой самую высокочастотную распространенную форму прошедшего времени, также и среди всех форм времен, в речи и в текстах. При сплошной выборке материалов из разных жанров литературы наибольшее количество примеров выпадает именно на нее.

«В крымско–татарских наречиях и в крымско–татарском литературном языке имеются следующие чисто–глагольные формы. Форма прошедшего определенного времени изъявительного наклонения, основа которой образуется при помощи приставки *دی : قیل – قیلدی – بیل – بیلدی*» [19, с.69]. Примеры соответственно означают: ‘делай – он сделал’, ‘знай – он знал’.

Форму, образуемую аффиксом *-ды*, принято называть показателем прошедшего категорического или заверченного времени [15, с.211]. Однако подобное определение в некоторой степени следует понимать как условный термин. На самом деле парадигматическое и синтагматическое значение этой формы в зависимости от контекстной ситуации варьирует широко.

Б.А.Серебренников назвал рассматриваемую форму времени «первым прошедшим временем» [20, с.9], подчеркивая его высокую частотность употребления и распространенность в тюркских языках. Оно является, возможно, наиболее древним тюркским прошедшим временем, поскольку имеется как во всех кыпчакских, так и всех современных и древних тюркских языках.

Эта форма образуется от глаголов непосредственным присоединением к ним аффикса, который по традиции условно назовем аффиксом *-ды*, с вариантами: *-ты, -ти, -ды, -ди*. Хотя, можно было бы ее назвать формой на *-ты*, исходя из гипотезы о том, что первично аффикс имел в начале глухой звук.

Данный показатель прошедшего времени имеется во всех современных и древних тюркских языках и является общетюркским, он относится к пратюркскому периоду.

«Согласно гипотезе, выдвинутой еще О.Бётлингом (Bötlingk O. Über die Sprache der Jakuten: Grammatik: Text und Wörterbuch. СПб. 1851, 210) форма *-dy+* личные окончания произошла путем редукции более полной формы *-dyk...*» [21, с.383]. Эту точку зрения впоследствии поддержали многие ученые.

Возможно, аффикс *-ды/-ты* выступал как древнейший полисемантический показатель прошедшего времени. Он также свойствен пракрыпчакскому языку–основе и имеется во всех современных кыпчакских языках и кыпчакских памятниках [22, с.35–36].

Аффикс *-ды* в современном крымскотатарском языке подчиняется законам гармонии звуков: гармонии гласных и согласных по небности/ ненебности: *-ды-ди, огубленности/ неогубленности: -ды/-ду* и ассимиляции согласных: *д/т*. Поэтому он реагирует на характер последнего слога и последнего звука глагольной основы, к которой присоединяется, и старается приблизиться к особенностям звуков глагольной основы.

По закону ассимиляции согласных после основ, оканчивающихся на глухой согласный звук аффикс выступает в вариантах: *-ты, -ти, (-ту, -тю)*. После основ, оканчивающихся на любой неглухой звук (гласные, сонорные и звонкие), аффикс выступает в вариантах: *-ды, -ди, (-ду, -дю)*.

По мнению некоторых тюркологов «Первоначальным гласным, сопровождавшим «характеристику» времени, был по всем данным узкий неогубленный *y/i*... Гласный *y/i* постепенно стал подвергаться губной аттракции» [22; с.377].

По характеру существующего закона небной гармонии после основ, в последнем слоге которого имеется заднерядный гласный, аффикс имеет вариан *-ты, -ды, (-ту, -ду)*. После основ, у которых в последнем слоге имеется переднерядный гласный, аффикс имеет варианты: *-ти, -ди, (-дю, -тю)*.

По закону губной гармонии после основ, в последнем слоге которых имеется губной гласный, аффикс имеет варианты: *-ту, -тю, -ду, -дю*. Однако по правилам современной крымскотатарской орфографии губные варианты в письме не отражаются. Если в последнем слоге глагольной основы негубной гласный, то аффикс имеет варианты: *-ты, -ти, -ды, -ди*.

Таким образом, каждый из вариантов аффикса отличается друг от друга минимум одним признаком.

По признаку ассимиляции аффикс сохранил в крымскотатарском языке древние черты наряду с другими кыпчакскими и другими тюркскими языками. Наиболее древней реконструируемой формой являются варианты с начальным глухим согласным *-ты/-ти, ту/-тю*. (22, с.36)

Аффикс *-ды* сам по себе не является монофункциональным. Глагол с показателем прошедшего времени – аффиксом *-ды* одновременно с прошлым действием обозначает и форму спряжения – третьего лица единственного числа. Формы же первого и второго лица образуются посредством присоединения к *-ды* специальных аффиксов лица и множественного числа.

При спряжении формы на *-ды* к ней присоединяются аффиксы лица второй группы.

Единственное число:

1л. – *м*;

**ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО
ВРЕМЕНИ НА –ДЫ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

2л. простая – *нъ*, вежливая – *нъыз/нъиз*;

3л. не имеет специального показателя, сам аффикс времени –*ды* одновременно выражает форму третьего лица единственного числа, факультативно – и третьего лица.

3– лицо, в отличие от двух других лиц, не имеет специального показателя лица в единственном числе. Во множественном числе к этому лицу факультативно может присоединиться аффикс множественного числа.

Формы множественного числа первого и второго лиц отличаются от обычных форм множественного числа. Они не имеют стандартного показателя – аффикса –*лар/–лер*.

Множественное число:

1л. –*къ/–к*;

2л. –*нъыз/–нъиз*;

3л. – *лар/–лер*. Следует оговорить, что в третьем лице множественного числа присутствие аффиксального показателя числа часто носит факультативный характер и необязательно. Таким образом, форма прошедшего времени – аффикс –*ды* в крымскотатарском языке выполняет фактически четыре функции:

- 1) показатель прошедшего категорического времени,
- 2) показатель третьего лица единственного числа,
- 3) показатель третьего лица множественного числа,
- 4) показатель положительного аспекта.

Парадигма спряжения формы прошедшего времени на –*ды* в положительном аспекте

1) Варианты аффиксов лица, присоединяемые к основам, оканчивающимся на глаголы с конечными неглухими (гласные, звонкие, сонорные) звуками

Ед.ч.

1л. –*ды–м*, –*ди–м*

2л. –*ды–нъ*, –*ди–нъ*, –*ды–нъыз*, –*ди–нъиз*

3л. –*ды*, –*ди*

Мн.ч.

–*ды–къ*, –*ди–к*

–*ды–нъыз*, –*ди–нъиз*

–*ды(лар)*, –*ди(лер)*

2) Варианты аффиксов, присоединяемые к основам с конечным глухим звуком

Ед.ч.

1л. –*ты–м*, –*ти–м*

2л. –*ты–нъ*, –*ти–нъ*; вежл. –*ты–нъыз*, –*ти–нъиз* –*ты–нъыз*, –*ти–нъиз*

3л. –*ты*, –*ти*

Мн.ч.

–*ты–къ*, –*ти–к*

–*ты(лар)*, –*ти(лер)*

Второе лицо во множественном числе – как простая, так и вежливая форма имеют одинаковый аффикс.

Спряжения глаголов в форме на –*ды*:

Единственное число

1л. *кель–ди–м* ‘я пришел’, *айт–ты–м* ‘я сказал’, *чез–ди–м* ‘я развязал’, *къой–ды–м* ‘я поставил’, *корь–ди–м* ‘я видел’, *уч–ты–м* ‘я летел’, *корюн–ди–м* ‘я показался’.

2л. *кель–ди–нъ*, *айт–ты–нъ*, *чез–ди–нъ*, *къой–ды–нъ*, *корь–ди–нъ*, *уч–ты–нъ*, *корюн–ди–нъ*.

2л. вежливая ф. *кель–динъ–из*, *айт–тынъ–ыз*, *чез–динъ–из*, *къой–ды–нъыз*, *корь–динъ–из*, *уч–ты–нъыз*, *корюн–ди–нъиз*

3л. *кель–ди*, *айт–ты*, *чез–ди*, *къой–ды*, *корь–ди*, *уч–ты*, *корюн–ди*

Множественное число

1л. *кель–ди–к* ‘мы пришли’, *айт–ты–къ* ‘мы сказали’, *чез–ди–к* ‘мы развязали’, *къой–ды–къ* ‘мы поставили’, *корь–ди–к* ‘мы видели’, *уч–ты–къ* ‘мы летели’, *корюн–ди–к* ‘мы показали’

2л. *кель–динъ–из*, *айт–тынъ–ыз*, *чез–динъ–из*, *къой–ды–нъыз*, *корь–динъ–из*, *уч–ты–нъыз*, *корюн–ди–нъиз*

3л. *кель–ди–(лер)*, *айт–ты–(лар)*, *чез–ди–(лер)*, *къой–ды–(лар)*, *корь–ди–(лер)*, *уч–ты–(лар)* *корюн–ди–(лер)*

При присоединении аффикса множественного числа в третьем лице иногда в разговорной речи происходит выпадение узкого гласного при показателе прошедшего времени между ним и аффиксом множественного числа, таким образом, –*дылар/–дилер* произносятся как –*длар/–длер*: *алдлар* (взяли), *кельдилер* (пришли), вместо ожидаемых «правильных» *олар алдылар* ‘они взяли’, *олар кельдилер* ‘они пришли’ произносятся: *алдлар*, *кельдлер*.

Пример на употребление формы на –*ды* в единственном числе: *Бу эсер халкъ интикъамджыларынынъ хатыравлары ве весикъалары эсасында язылды* [А.О.Т с.242]. ‘Это произведение написано на основе документов или документальных воспоминаний, народных мстителей’. В этом предложении выражено достоянное завершённое действие в прошлом при участии пассивного глагола в положительном аспекте.

Употребление формы на –*ды* в третьем лице множественного числа с аффиксом множественного числа: *Курешчилер башларыны бир–бирине тиреди, бир–бирининъ элини къапкъачлап алмакъ ниетинде, килим устюнде гир–гир айлана башладылар* [Э.У. Й.Д. с.226]. ‘Борцы уперлись головами друг к другу с целью перехватить друг другу руки, и стали крутиться на ковре’.

Форма на –*ды* может присоединяться как к глаголам в чистом виде, так и к сложным глаголам с именной основой. *Ярын бир даа корюшюв умюти оларгъа шимди айырылышмагъа къувет берди* [А.О. Т. с.350]. ‘Надежда и на завтрашние повторные встречи придала им силы расстаться сегодня’.

Эки йыл бойле кечти.

Эки йыл Зейнеп тизе агълады.

Эки йыл Зейнеп тизенинъ аналыгъы хорланды, эзильди, агълады [У.И.З.Т.].

‘Два года прошли таким образом. В течение двух лет тётя Зейнеп плакала. Два года унижалось, растаптывалось, страдало чувство материнства’. *Узун бойлу йигит тавшанны чантасына къойды, сонъ кене бурулып кетти, авджылар да онынъ пешине тюштилер* [У.И.А.]. ‘Высокий парень положил в сумку зайца, потом развернувшись, ушёл, охотники пошли за ним’.

Выше были приведены иллюстративные примеры на формы положительного аспекта. Кроме формы положительного аспекта глагол прошедшего времени на *-ды* имеет также формы отрицательного аспекта и формы аспектов возможности и невозможности, вопросительную форму, которые имеют соответствующие грамматические показатели.

Отрицательный аспект прошедшего категорического времени образуется по общим правилам глагольного отрицания посредством аффикса отрицательного аспекта, имеющего два фонетических варианта: *-ма*, *-ме*, которые подчиняются закону гармонии звуков по переднерядности и заднерядности. Вариант *-ма* присоединяется к основам с заднерядным гласным в конечном слоге, вариант *-ме* – к основам с переднерядным гласным в конечном слоге. Аффикс отрицательного аспекта присоединяется непосредственно к глагольной основе и предшествует показателю времени: *мен ал-ма-ды-м* ‘я не взял’, *бир бер-ме-ди-к* ‘мы не дали’ и т.д.

Форма на *-ды* в отрицательном аспекте выражает действие, которое не совершилось в прошлом. *Бир къач куньден берли бу тарлалар бом – бош эдилер, оларда адам корюнмеди, машиналарнынъ давушы да эшитильмеди* [Ю.Б. С. с.77]. ‘Несколько дней подряд эти поля были пусты, там не было видно людей, не было слышно и шума машин’. В этом примере посредством пассивных глаголов перечислены разные действия, которые не совершались, поэтому автор речи не мог быть их свидетелем совершения действия, иначе – он мог быть свидетелем того, что эти действия не совершались.

Аспект возможности образуется по общему правилу аналитически. Основной глагол принимает форму универсального аффикса *-а/-е/-й*, к этой форме прибавляется глагол, выполняющий служебную функцию, *-ал* (лексическое его значение – ‘брат, взять’), к которому присоединяется аффикс прошедшего времени *-ды*: *кор-е ал-ды* ‘он смог видеть’. Эта форма образуется также посредством глагола *биль*: *коре бильди* ‘он мог видеть’. *Осман Судакъта олгъанда, Лениени коре бильди*. [Л.т.] ‘Когда Осман был в Судаке, он мог видеть Лению’.

Аспект невозможности образуется от формы возможности прибавлением аффикса отрицания к служебному глаголу *ал-* перед аффиксом времени: *бар-а ал-ма-дым (баралмадым)* ‘я не смог пойти туда’, *кет-е ал-ма-ды (кеталмады)* ‘он не смог уйти’. *Рустем Русланнынъ эвине кельди де, чокъ вакъыт кеталмады*. [Л.т.] Рустем пришел в дом Руслана, и долго не мог уйти.

Ильяс баягъы вакъыткъадже, не олгъаныны анълап оламай, шашмалап турды [А.О. Т. с.209]. ‘Ильяс долгое время не смог понять, что случилось, и стоял ошеломлённый’. В этом примере использована другая форма аспекта невозможности: *n+ола* – специфически крымскотатарская.

Вопросительный аспект образуется посредством двухвариантного аффикса *-мы/ми*: *о бардымы?* ‘ходил ли он?’ *о кельдими?* ‘пришел ли он?’ а также просто вопросительной интонацией при положительном аспекте: *барды? кельди? Кечкен йыл эвельси, Эльмира Москвагъа барды?* [Л.т.] ‘В позапрошлом году Эльмира ездила в Москву?’

Источники и литература

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.– Л., 1964.– С.15–23.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М., 1960. – 27 с.
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969 – С.48.
4. Вопросы грамматики тюркских языков. – Алма – Ата , 1969. – 24 с.
5. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения.
6. Глагол.Л., 1990. – 66 с.
7. Гумбольд. В. Ф. Избранные труды. – М., 1984. – 232 с.
8. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 91 – 97.
9. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.–Л., 1948.– 157 с.
10. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.–Л., Изд-во АН СССР, 1940.–62с.
11. Есперсен О. Философия грамматики, пер. с английского. – М., 1958.– С.297–337.
12. Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. //«Тюркологический сборник», Т I. – М., 1951.–24 с.
13. Кормушин. Система времен глагола в алтайских языках. – М., Наука. 1984.–9 с.
14. Лингвистический энциклопедический словарь – М., 1990.– 89 с.
15. Меметов А. М. Лексикология современного крымскотатарского языка. – Симферополь, 2000. – 314 с.
16. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003.– С.212–218.
17. Мусаев К.М., Меметов А. Крымскотатарский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 2. – М., 2001. – С.162 – 171.
18. Мусаев К. О глагольно–именных конструкциях в современном казахском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. – М., 1956.– С.144–152.
19. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964.– 281 с.

**ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО
ВРЕМЕНИ НА –ДЫ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

20. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско–татарской грамматики. – Пг., 1916.– 69 с
21. Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 9 с.
22. Сравнительно–историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988. – 368 с.
23. Сравнительно – историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – Москва «Наука» 2002.– С.35–36.
24. Тумашева Д. Г. Татарский глагол. (Опыт функционально– семантического исследования грамматических категорий) – Казань, 1986, – 34 с.
25. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965.– С.119 – 120.
26. Юлдашев А.А. К проблеме аналитизма в тюркских языках// «Вопросы языкознания». – 1965.– №1.– С.5–7.
27. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Ч.1. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959. – 248 с.
28. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань, 1986. – 28 с.
29. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань, 1985. – С. 24–35.
30. Bötlingk O. Über die Sprache der Jakuten: Grammatik: Text und Wörterbuch. СПб. 1851, 210p.
31. Jankovski H. Gramatyka języka krymskotatarskiego. Poznan, 1992.– P.23–2
32. Jespersen O. Grown and structure of the English Language. 4 ed., revised. Leipzig, Teubner, 1923. 1V, – 259 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А.О. – Айдер Осман
 «Йылдыз» – журнал «Йылдыз»
 Л.Т. – разговорная речь
 У.Э. – Урие Эдемова
 У.И. – Умер Ипчи
 Ш.А. – Шамиль Алядин
 Ы.Къ. – Ыргъат Къадыр
 Э.У. – Эрвин Умеров
 Ю.Б. – Юсуф Болат

Данилюк Н.М.

**ОСНОВНІ СТРУКТУРНІ МОДЕЛІ ПОДІЛЬСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ
ОДИНИЦЬ**

Фразеологізми – особливі одиниці мови, які відрізняються від слів не тільки своїми структурно–семантичними ознаками, а й своєрідним історичним розвитком. Якщо лексичний склад мови у своєму розвитку пов'язаний безпосередньо із змінами в суспільстві, новими відкриттями в науці, техніці, літературі, то фразеологія пов'язана з духовним і економічним розвитком суспільства опосередковано (через словник): вона розвивається на ґрунті готових слів, переважно загальноновживаних. Саме тому фразеологізми мають загальнонародний характер. Діалектні фразеологічні одиниці не виділяються з такою яскравою виразністю, як лексичні. У окремих говорах доводиться по крупинках виловлювати своєрідні фразеологізми в широкому потоці діалектних слів з різних сфер життя народу певного мовного ареалу. Цим, очевидно, і пояснюється те, що діалектна фразеологія ще не зовсім досліджена [Доленко 1975: 102].

Фразеологізми подільського говіркового мовлення займають помітне місце у фразеологічній системі української мови, саме тому вивчення їх граматичних, семантичних і структурних особливостей є таким актуальним, особливо в наш час, коли переосмислюється і співвідноситься літературна мова і її діалекти.

Подільський фразеологічний матеріал надзвичайно різноманітний, саме тому метою нашої статті є спроба його систематизації.

За структурою фразеологічні одиниці Поділля можна поділити на такі основні групи:

- 1) фразеологічні одиниці, що співвідносяться зі словосполученнями;
- 2) фразеологізми, організовані за моделями речення.

Фразеологічні одиниці, співвідносні за своїми моделями зі словосполученням

Враховуючи специфіку будови фразеологічних одиниць цього типу, їх можна класифікувати в такі групи: фразеологізми, структурою яких є «прикметник + іменник». Велику кількість фразеологічних одиниць становлять моделі із прикметника та іменника, де граматично панівним виступає іменник, а залежним прикметник, перебуваючи, як правило, у препозиції: *рудий реплях, собача радість, спорчаний телефон, довгі сльози, ступа довбана, каламутна врода, теллячі вибрики, ганчір'яна душа, дирава пам'ять* і т. ін.

Для компонентів цієї групи фразеологічних одиниць властиві форми роду, відмінка, числа, хоча за числами вони змінюються не завжди.

2. Фразеологічні одиниці, структурою яких є «іменник + прийменник + іменник»: *вітер в голові у кого, дорога до Мирона кому, Дунька з бураків, капуста в голові у кого, пулі в голові у кого, торба з дустом, мішок з картоплею* та ін.

Рідше вживаними є фразеологізми, будову яких становить «прийменник + іменник + іменник». За лексико–граматичним значенням вони можуть бути атрибутивними або адвербіальними: *до скону віків, у*